

— Тётя Су, идите домой, отдохните. Я здесь побуду, — сказал Лян Цинь.

Мама Су взглянула на дверь спальни.

— Ну, тогда посиди с ним немного, а я пойду. Еда на столе, поешьте обязательно.

— Угу.

Домик семьи Тянь был крохотным, обставленным старой, простенькой мебелью. Лян Цинь вошёл в комнату. В полумраке горела лишь тусклая настольная лампа. Тянь Сяоюй лежал на кровати, уткнувшись в фотографии, и тихо вытирал слёзы.

— Перестань, — Лян Цинь сел на край постели и машинально взъерошил мальчику волосы. — Будешь смотреть — только душу себе рвать.

Сяоюй отложил снимки и поднял голову. Его заплаканные глаза выглядели бесконечно жалкими.

— Братик, мне так плохо...

— Я понимаю, — Лян Цинь прилёг рядом и приобнял щуплое тельце. — Знаешь, у меня ведь тоже нет родителей. Совсем маленьким был, когда их не стало.

Сяоюй резко вскинулся:

— И у тебя нет? А кто же о тебе заботился?

— Бабушка. Видишь, вырос же как-то.

— Но у меня вообще никого не осталось. Никто больше не будет меня любить. Меня заберут в приют, и дома больше не будет, — мальчик опустил голову, и горячие слёзы капнули Лян Циню на руку.

У того заныло в груди. Он крепче прижал Сяоюя к себе.

— Неправда. Есть. Я тебя люблю.

— Тогда... — Сяоюй неловко коснулся пальцами одеяла, глядя на Лян Циня с робкой надеждой.
— Братик... ты... ты возьмёшь меня к себе? Насовсем?

Лян Цинь оторопел. Он и подумать не мог, что такой ребёнок уже планирует своё будущее. Но правда была суровой: их дом совершенно не подходил для опеки над подростком. Бабушка старая, она едва тянет его учёбу, а ещё один парень в семье — это же верная гибель.

— Сяююй... в моём доме это будет сложно.

— Я плохой, да? Я буду очень послушным, честно! — мальчик снова зашёлся в рыданиях.

Сердце Лян Циня не выдержало.

— Дай мне подумать, хорошо?

Глаза Сяююя мгновенно вспыхнули, на лице промелькнула улыбка. Он прижался к груди Лян Циня, словно боясь отпустить.

— Братик, ты обещал, что любишь меня. Обещания нельзя нарушать.

— Да... не нарушу, — Лян Цинь нахмурился.

«И зачем я только в это ввязался?»

Проведя ночь со Сяююем, Лян Цинь рано утром примчался к Су Цзиню за советом. Тот отрезал сразу:

— Нет. Ты свои условия видел? Забудь.

— Но он такой неприкаянный...

— Я сам его жалею, и мама тоже, но мы не потянем. Пойми, взять его — значит отвечать за всё: учёба, свадьба... это же бешеные деньги. Мои родители тоже думали об этом, но никак. Мы на лечение Сяо Мо всё спустили, ещё и Хань Дуну десять тысяч должны.

Лян Цинь вдруг оживился:

— О! А семья Хань Дуна?

— Даже не заикайся, — осадил его Су Цзинь. — Хань Дун не из тех, кто распускает нюни. Он даже на похороны не пришёл — укатил куда-то с очередной подружкой.

— Эх... — Лян Цинь тяжело вздохнул. — Видимо, мне лучше пока здесь не показываться. Я вчера ляпнул лишнего, теперь буду его избегать.

— Не переживай, мама найдёт ему хороший приют с приличными условиями.

Ближе к обеду мама Су принесла еду в дом Тяней. Услышав стук, Сяюй бросился открывать, но, увидев её, заметно поник.

— Сяюй, иди кушать.

— Тётя Су, — мальчик теребил край кофты, — а где братик Лян Цинь?

— Лян-цзы? Так он на учёбе. Случилось чего?

— Нет, ничего.

Сяюй сам не понимал почему, но Лян Цинь казался ему самым родным. С ним не было этого чувства дистанции, как с другими. Он был благодарен семье Су, но привязался именно к Лян Циню, которого видел всего пару раз. Возможно, дело было в общем горе — они оба остались сиротами.

Мама Су помедлила и осторожно произнесла:

— Сяюй, я нашла для тебя приют, там...

Мальчик побледнел и плотно сжал губы, не проронив ни слова.

После обеда он, к удивлению мамы Су, пришёл к их лавке. Поставил маленький табурет у входа и уселся ждать Лян Циня.

— И что мне с ним делать? — вздыхала мама Су, поглядывая на маленькую фигурку за дверью.

«Мам, может, всё-таки мы его возьмём?» — написал Су Мо.

Су Моли нахмурилась:

— Ты же знаешь, в каком мы положении.

Су Мо глянул в окно и увидел, как из-за угла выходят его брат и Лян Цинь. Последний, заметив Сяююя, тут же нырнул обратно в переулок.

— Сяоюй, ты чего тут сидишь? — Су Цзинь подошёл с напускной весёлостью.

Мальчик заглянул ему за спину и, не увидев друга, окончательно расстроился.

— А... где Лян Цинь?

— У него... дела дома, — Су Цзинь отвёл взгляд.

Спрятавшийся в проулке Лян Цинь чувствовал, как сердце обливается кровью. Он мельком взглянул на поникшего, худого Сяоюя и бросился прочь. Он не знал, что мальчик успел заметить его мелькнувшую тень. На бледном лице Сяоюя отразилось горькое разочарование.

— Что-то Хань Дуна не видно в последние дни, — заметила мама Су.

Су Цзинь бросил рюкзак на стул:

— Ой, да у него там «любовь» полным ходом.

— Какая ещё любовь?

— Четвёртую девчонку сменил, — фыркнул Су Цзинь. — Видела бы ты, как наши школьницы на него слюни пускают.

— Совсем оболтус, — покачала головой мать. — Ты бы поговорил с ним, нельзя же так. И смотри мне, старший, если сам вздумаешь в такое вляпаться — шкуру спушу.

— Да знаю я, — буркнул Су Цзинь.

Су Мо поднялся из-за прилавка.

— Ты куда? — спросил брат.

«В книжный схожу», — Су Мо прошёл к выходу и на ходу ласково взъерошил волосы сидящему у двери Сяоюю.

Сентябрьский ветерок уже покусывал холодом. Су Мо свернул на главную улицу и нос к носу столкнулся с Хань Дуном. Тот был не один — рядом шла какая-то девчонка. Видимо, та самая «четвёртая».

Су Мо инстинктивно хотел свернуть в сторону, но Хань Дун уже заметил его. Пришлось идти мимо с каменным лицом.

— Ты куда собрался? — окликнул его Хань Дун.

Су Мо скользнул взглядом по его спутнице. Ничего особенного, обычная.

— Хань Дун, он же немой, — Ли Юэ хохотнула, глядя на парня. — Это же брат Су Цзиня, он с детства ни слова вымолвить не может. Зачем ты его спрашиваешь, он же всё равно не ответит.

— Заткнись.

Хань Дун смерил её испепеляющим взглядом. Ли Юэ, увидев его перекошенное от злости лицо, смутилась, но из гордости только повысила голос:

— А что я такого сказала? Это правда! Он немой, разговаривать не умеет, чего тут скрывать? — Она скрестила руки на груди, с насмешкой разглядывая Су Мо. — Ну да, смазливенький, но это не отменяет того, что он калека...

— Я сказал — пасть закрой! Ты что, оглохла?! — взревел Хань Дун. Лицо его потемнело от ярости. Ли Юэ впервые видела его таким страшным. Она подавилась словами, лицо её пошло пятнами.

Су Мо же остался абсолютно бесстрастным. Не удостоив их и взглядом, он просто прошёл мимо.

— Я... — Ли Юэ попыталась что-то пролепетать в оправдание, но не смогла.

— Всё, расходимся, — бросил Хань Дун. В его голосе не было ни капли сожаления, он даже не посмотрел в её сторону.

— В смысле? Из-за того, что я назвала его немым?

Хань Дун снова взглянул на неё, и от этого ледяного взора девушка попятилась. Она заговорила тише:

— Брат Хань, ну извини, в следующий раз я буду следить за языком. Ты же это просто сгоряча, да?

— Сгоряча или нет — не твоё дело. Я сразу сказал: со мной будешь готова разбежаться в любую минуту. Мне плевать на причины, всё зависит только от моего настроения.

Хань Дун развернулся и зашагал вслед за Су Мо. Ли Юэ выкрикнула ему в спину:

— Хань Дун, ты — подонок!

Парень обернулся и ухмыльнулся своей фирменной наглой улыбкой, которая сводила девчонок с ума.

— То, что я сволочь, я и сам знаю. Никогда не спорил. Так что прощай, малыш.

Ли Юэ трясло от обиды и злости. Ей нравился этот дерзкий тип, нравилось его породистое лицо. Она знала, что он бабник, но так хотела быть рядом с таким статусным парнем... Столько времени на него потратила, и вот — не продержалась и дня. Какое позорище.

Книжный магазин на углу был местом особенным. Маленький, уютный, украшенный цветами и безделушками — здесь всегда царила тишина. Су Мо обожал это место, во многом из-за хозяина. Тот понимал язык жестов, с ним было о чём «поговорить», и Су Мо частенько засиживался здесь на часок-другой.

— Пришёл?

Су Мо кивнул, взял с полки книгу, которую не дочитал в прошлый раз, и устроился у окна. Вскоре хозяин заведения подсел напротив.

— Давно тебя не было.

«Дела были», — жестами ответил Су Мо.

— Решил всё?

«Вроде того».

— Пойду налью тебе кофе.

Владелец, Сюй Шуай, был высоким, стройным мужчиной в очках — образец интеллигентности.

Чтение — процесс умиротворяющий, но тишину нарушил резкий стук в стекло. Су Мо поднял голову. Снаружи стоял Хань Дун и знаками звал его выйти. От одного его вида Су Мо сразу ощутил прилив раздражения. Не дождёшься.

— Твой знакомый? — Сюй Шуай поставил чашку на стол и сел напротив.

Увидев это, Хань Дун не выдержал и ворвался внутрь.

— Сервис тут у вас смотрю на высоте, даже кофе подают.

Су Мо даже не взглянул на него. Сюй Шуай вежливо улыбнулся:

— Молодой человек, вы хотите купить книгу или взять почитать?

— А просто посидеть нельзя? — Хань Дун заговорил вызывающе, явно злясь на то, что Су Мо его игнорирует.

— Можно, конечно. Чувствуйте себя как дома, — кивнул Сюй Шуай.

Хань Дун выудил первую попавшуюся книгу и подошёл к столику Су Мо.

— Подвинься, я с краю сяду.

Су Мо не шелохнулся. Он даже ресницей не повёл в его сторону. Гнев внутри Хань Дуна вспыхнул мгновенно, лицо потемнело.

— Я к тебе обращаюсь!

Сюй Шуай, видя, что Су Мо не намерен реагировать, поднялся:

— Садитесь на моё место.

Раздался оглушительный «бабах» — Хань Дун с силой швырнул книгу на стол. Су Мо вздрогнул и вскинул на него глаза, полные негодования.

— Чего вылупился?! — Хань Дун сел напротив, буравя его взглядом. — Давай начистоту: я-то тебе что сделал? Что ты мне морду кирпичом строишь при каждой встрече?

Су Мо похолодел, опустил голову и снова уткнулся в книгу. Хань Дуна едва не разорвало от бешенства, в глазах заплясали искры.

— Я тебе, блядь, вопрос задал!

— Ты бы полегче, а? Ты же знаешь, какой он. Следи за языком, — не выдержал Сюй Шуай.

Хань Дун смерил его презрительным взглядом:

— А ты ещё что за хрен с бугра? Наши дела тебя не касаются.

— Я его друг, — спокойно ответил Сюй Шуай.

— Ха! — Хань Дун зло рассмеялся. — Ты его-то спросил? Он тебя другом считает?

Су Мо с треском захлопнул книгу. Он поднял взгляд на Хань Дуна — в его глазах читался такой холод, что парень осёкся.

Посыл был яснее ясного: «Заткнись!»

— Ладно, ухожу я, — Хань Дун отшвырнул книгу в сторону, бросил на прощание ядовитый взгляд на хозяина магазина и вылетел вон, хлопнув дверью.

— Психованный какой-то, — Сюй Шуай снова сел за стол. — Вы с ним в каких отношениях? Смотрю, он тебя с полуслова понимает. Даже со взгляда.

«Вроде как друзья», — медленно показал Су Мо.

— Вроде как?

«Не знаю, кем я для него являюсь в его понимании».

Су Мо посмотрел в окно. Хань Дун не ушёл. Он стоял, прислонившись к фонарному столбу, курил и, не мигая, сверлил взглядом стекло. Лицо его было ледяным.

Странно, но увидев, что тот всё ещё здесь, Су Мо почувствовал мимолётный укол радости. Но тут же одёрнул себя — нечего потакать этому скандалисту.

«Смотри-смотри, глаза выколю!» — сердито подумал Су Мо, вновь утыкаясь в книгу.